

* * *

Я знаю, из какого сора
расту, не ведая стыда,
я – просто грёбанный абсорбер
из ниоткуда в никуда.

И пусть не видит эту ось кость,
мне не по чину этот ранг,
когда ломает носа плоскость
судьбы случайный бумеранг.

* * *

Поэзия, наверно,
оптический сквозняк.
Не автора, но ветра
венозная возня.

Бесперебойный шифр
шизофреничных крыш
и серых листьев шифер,
в котором ты горишь.

С души уже не жалко
снимать за слоём слой.
И облако, как балка,
повисло над землёй.

* * *

По лекалам скроена окраина
и линеен ливень по пути.
Всё, чем зреньё было обокрадено,
выплатили сердцу во плоти.

Как крючок с назначенной наживкою,
ты един в сей местности гнедой
с капающей с капюшона жидкостью,
часто именуемой водой.

И никто здесь не сочтёт насилием
результат безмолвного труда:
слиться с нею болевым усилием
и отсюда слиться навсегда.

* * *

Скакала безверья скала
сквозь злую забаву забвенья.
Я понял, что память мала
от вторника до воскресенья.

Царапины эти на теле
откуда? Заткнись и внемли.
Всем, что мы на сердце надели, –
обратно нас не надели.

Мир тает, как ангел сусальный,
его нам уж не превозмочь.
Кисельный свой бред колоссальный,
не высказав – вымолчи в ночь.

Для бешеной мысли запинка –
уоставшая быть голова.
Но если случится заминка –
изюминкой станут слова.

* * *

Расторопно распоротый кем-то
небосвод до кишок оголён.
Душит ливень зажжённого Kenta
неприметный скупой огонёк.

Лишь вода под ногами пылится,
лужи пухнут разводами грыж.
Надо мной только спутница-птица:
сторож неба – испуганный стриж.

Так уходит закатное лето,
раздвигая усталый восток,

и по комнатам хлещут кометы,
зацепляя сетчатку хвостом.

Гром смеётся – пещерный и жадный –
он сегодня сполна награждён.
И закат уже пожран пожарным
разжижающим время дождём...

* * *

День ледовит и голоса опрятны
и кажется, что только лишь вчера
произошло событие объятья
и затемнило зренье дочерна.

Но нет – изюма в булку не воротишь,
ведь быть привык привинчен к коже я.
И не зовёт в придуманный воронез
смешливая судьба-ворожея.

Пока себя не выбросишь в костёр ты,
тебя не примут в ангельский район.
И потолок, над нами распротёртый,
теперь и на меня распространён.

* * *

Вид в зеркале и давит, и дивит,
какой-то там барочный и барачный
глядит в глаза мне странный индивид –
нетрезвый, недоверчивый и мрачный.

Такого ль наблюдал другой поэт
сто лет назад – известный, белокурый?
К нему явился чёрный силуэт
спросить за всё, что он набедокурил.

А мой – стоит и пальцем не грозит,
застывший в ртути, как голимый Голем,
хоть попрекнул меня бы, паразит –
предательствами, болью, алкоголем.

Зеркальный контур гол и молчалив,
и я снимаю хлипкие котурны.
Весна пуста и белый свет червив.
И небеса кислотные лазурны.

* * *

Иссякла щедрая подпитка,
заклинило спираль витка;
иглой, что хотелось выткать,
теперь приходится втыкать

в бумажного сухого сена
ещё не подожжённый стог.
Но батарейка солнца села
(а может, кто-то ей помог).

И ничего уже не лечит,
и нечего уже просить,
ведь то, что выносил, не легче
потом годами выносить.

Но бессловесные загадки,
ещё оставшиеся тут,
последней требуют закалки
и остудиться не дают.